

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов

На празднике
(Сцены из народного быта)

«Сказывают, у его денег залежных много. Вот, ребята, кабы нашему брату теперича деньги — не стали бы мы так-то трепаться, задали бы форсу! Я бы сей трактир снял, али бы...»

Содержание

#1	0005
ЯВЛЕНИЕ I	0006
ЯВЛЕНИЕ II0011
ЯВЛЕНИЕ III0012
ЯВЛЕНИЕ IV0020
ЯВЛЕНИЕ V0022

Иван Федорович Горбунов

На празднике

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Кондратий Ильич, достаточный крестьянин.

Слезкин, Васька Rogov, Степка, фабричные.

Девушка и парни.

Трофим, крестьянин.

Мавра, его жена.

Действие происходит в селе, в день храмового праздника.

Слобода; направо от жителей кабак; в глубине раскинуты палатки.

ЯВЛЕНИЕ I

КОНДРАТИЙ ИЛЬИЧ идет слева, СЛЕЗКИН выходит из кабака.

Слезкин.

Кондратий Ильич! Теперича я все порядки справил как должно. Как, значит, от обедни пришел, в радости дождавшись, разговелся – спать лег, а теперича я гулять вышел. Все, как следует!..

Кондратий Ильич.

У обедни-то ты был: а слышал ли, как батюшка проповедь сказывал?

Слезкин.

Слышал, братец мой! Великий ноне праздник, и нет его больше!.. Очень мне это чувствительно!

Кондратий Ильич.

Великий праздник!..

Слезкин.

Великий! (*Молчание*). Как, братец мой, там теперича на небе... что, например?.. Премудрость это, Кондратий Ильич! Странник это у нас с книжкой ходил, сказывал: «Всякая, говорит, теперича, звезда означает... и все, говорит, я это понимать могу».

Кондратий Ильич.

Не понять нам грешным этого.

Слезкин.

Потому все мы – грешники. Верно твое слово.

Кондратий Ильич.

Странник твой, може, и так болтал, зря. Много их даром по белу свету ходят, нас, темных людей, обманывают.

Слезкин.

Много, братец мой! Потому нашего брата обмануть очень способно, а, особливо ежели выпимши.

Кондратий Ильич.

Другой прельщением норовит тебя...

Слезкин.

Всякого народу бывает. А странник этот те-перича, за свои дела за хорошие, в остроге си-дит.

Кондратий Ильич.

Ишь ты!

Слезкин.

В остроге, братец мой, потому больно плут. Не плошь Васьки... такой же разбойник. Они с Васькой благоприятели были, баб все порти-ли.

Кондратий Ильич.

Бог с ими, друг сердечный.

Слезкин.

Главная причина – не осуди человека. Так ли я говорю? Ежели человек супроти тебя что сделал – обидел, значит... ну, и кончено! Дай Бог всякому!.. Что нам делить? Нам делить нечего! Ты мне теперича скажи... Кондратий

Ильич, скажи ты мне: Слезкин! наслежу я следов – ходи по ним... а я ходить буду. Так я это и понимаю. Ежели теперича я выпимши...

Кондратий Ильич.

Пей, да ума не пропей.

Слезкин.

Зачем, братец мой! Я самую малость... шкалик!.. И слава те Господи, с меня и будет.

Кондратий Ильич.

Знаем мы вашу малость-то! С утра до вечера в кабаке сидите.

Слезкин.

Для Петрова-дни! Без этого уже невозможно. Земляки пришли... фабричные... ну, и, значит, с праздником честь имеем поздравить! Порядок! Вишь, народ идет хороводы водить.

Кондратий Ильич.

Ко дворам пора (*идет*).

Слезкин.

Кондратий Ильич, не побрезгуй, пойдем –
поднесу.

Кондратий Ильич.

Ну те к Богу!

Слезкин.

Один стаканчик!.. За прему́дрость за
ТВОЮ...

Кондратий Ильич.

Нету, друг сердечный, не стану.

Слезкин.

Для праздника!

(Кондратий Ильич уходит).

ЯВЛЕНИЕ II

Слезкин (*один*).

Ну, я, значит, сам по себе пойду. (*Запевает*).

*Несчастливая наша доля:
Никто, никто не любит!
Полюбила молодчика...*

Васька (*подхватывает*).

С Полянки дворянка.

ЯВЛЕНИЕ III

ВАСЬКА РОГОВ, СТЕПКА, девушки и парни.

Васька.

Становись, девки, давай хороводы водить.

Слезкин.

Господам фабричным... почтение!

Васька.

С пальцем девять! Ты что ж отсюда ушел?

Слезкин.

Так, братец мой, грустно! С Кондратьем Ильичем, хошь бы насчет делов, говорили... Ты, говорит...

Васька.

Надо полагать, ребята, этот Кондратий Ильин – мужик фальшивый.

Степка.

Подхалим!

Слезкин.

Нет, братцы, мужик важный Кондратий Ильич! Ежели теперича, когда придешь к нему, сейчас тебе житие прочитает, али так что от божества скажет. Мужик он очень умный.

Васька.

Сказывают, у его денег залежных много. Вот, ребята, кабы нашему брату теперича денъги – не стали бы мы так-то трепаться, задали бы форсу! Я бы сей трактир снял, али бы...

Степка.

Привычку надо по этой части.

Васька.

Я, брат, все степени произошел! В каких я мастерствах не находился, в какой я должности не жил! Это нам ничего!.. Женился бы на купчихе.

Степка.

На купчихе жениться важно!

Васька.

На что лучше!

Слезкин.

А нам хоть бы на мещаночке Бог привел. Есть в Москве эдакие, которые, значит, по мастерству по какому...

Васька.

Хошь, я тебе твою фортуна сделаю – женю тебя? Ундерову дочь возьмешь? *(Все смеются)*. Вот, братцы, сказывал я вам, аль нет? Чудно уж очень! Так, голова, как вздумается мне это когда, просто, сейчас умереть – смех!.. Жил насупротив нашей фабрики ундер. Только раз, в воскресенье, вышел я за ворота, гляжу – у его под окошком сидит дамочка и смотрит на меня. Я у ворот-то и сел. Часу так в десятом, гляжу, эта самая дамочка машет мне платочком. Вот я к окошку-то и подшел. Погода, говорит, очень прекрасная... гулять вышли? – Так точно, говорю, потому теперича гулять очень вольготно. – Вышла бы, говорит, и я, да компанию мне водить не с кем. –

Пожалуйте, говорю, с нами – мы вам обиды никакой не сделаем. – Нельзя, говорит, этого, потому тятенька увидит. Вы по какой части? – Так и так говорю: у своего хозяина в плюмянниках живем... Слышь?.. *(Все смеются)*.

Слезкин.

Уж такова проходимца, как Васька Рогов, не найдешь!

Васька.

А вы, говорю, по какой? – Я, говорит, при своем тятеньке живу, потому, как мой тятенька ундер. А коли вы желаете, чтобы промежду нас знакомство было – завсегда к нам пожалуйте. Завели мы с ей это знакомство...

Степка.

Пондравилась!

Васька.

Какое к черту пондравилась! Блажь одна! Только я раз к окошку-то к ей подшел, а ундер-то оттеда – пожалуйте, говорит, в горни-

цу.

Слезкин.

Значит, бока наминать?

Васька.

Никто Ваське Рогову боков не намнет.

Слезкин.

Смирный, должно, ундер-то. А то есть, попадаются из ихнего брата... беда!.. замучает!..

Степка.

Бывал, знать, ты у них в переделе-то?

Слезкин.

Трафилось! За мещанку за одну.

Васька.

Вошел к им. Краля-то моя сидит, на гитаре разыгрывает. Ундер сейчас сладкой водки поставил, по рюмочке чкнули... Нам, говорит, очень приятно, ежели вы с нами канпанию имеете. Наслышан, говорит, я от дочки, так как вы у своего хозяина в плюмянниках жи-

вете... – Так точно, говорю. – Коли ежели, говорит, вам моя дочка не противна, я с ея воли не сымаю.

Одна из девушек.

Ах, ты пес экой!

Васька.

Вы погоди, постой, что было. Вот сейчас, нарядилась она в шелковое платье, шляпку надела, в правую ручку зонтик взяла, – гулять мы с ней пошли. Очень уж она мне в те поры пондравилась, хоть сейчас жениться. Ну уж мы эту политику московскую знаем... Пожалуйте, говорю, в трактир. – Вы, говорит, как обо мне понимаете? Я, говорит, не то что, к примеру, какая... Я, говорит, со всяким могу разговор иметь, никого не острамлю. – Нам, говорю, это очень лестно, по той причине, что нам такую и требуется. – Я, говорит, с любым офицером потрафлю, как что должно, потому я всему этому обучена; я бы, говорит, может, на разные языки умела, да тятенька не пожелал. – Так в трактир и не пошла. Ну, вот, голова, целое лето я к им ходил; опричь же-

ниха мне и званья не было: жених да жених; рублей сорок денег я у ундера-то забрал; поддевку он мне новую сшил, да она мне кошелек бисерный подарила; а уж что мы с этим ундером сладкой водки выпили!.. Она, бывало, романцы поет, а мы пьем да про войну разговариваем. Пошел я тогда на Покров в деревню – всю эту канитель-то и бросил.

Одна девушка.

А как же краля-то твоя?

Васька.

Черт ее возьми, много их! Плакала после, сказывали...

Девушка.

Плакала! Сам, гляди, около ее коровой ревел. Плакала!.. Должно, и в правду тебе ундер бока-то намял.

Васька.

Сказал бы я тебе одно словечко, да уж так... для праздника словно бы нехорошо...

Девушка.

Пришел с Москвы-то, думает, ни весть он кто! Бахвал! Становись, девки. Запевайте.

(Девушки запевают).

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и МАВРА.

Мавра (с плачем).

Чтой-то, батюшки!.. Девыньки, не видали ли хозяина.

Девушки.

Нет, тетка Мавра, не видали.

Слезкин.

Какова хозяина?

Мавра.

Моего хозяина, Трофима Иваныча.

Слезкин.

Видали.

Мавра.

Где он, батюшка?

Слезкин.

Давай два двугривенных – скажу, а то так

ты и помрешь без его.

Мавра.

Неколи мне тут с тобой...

Девушка.

Да говори, дьявол!

Слезкин.

Скажи сама – может ты лучше...

Девушка.

Да я не знаю; я бы сказала.

Слезкин.

Хозяин твой теперича – так будем говорить (*указывая на кабак*). Окромя этого места, ему негде быть. (*Трофим выходит из кабака*). Вишь ты! Значит, так точно.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и ТРОФИМ.

Мавра.

Что проклажаешься-то? Мало тебе что ли?

Трофим.

Нет, я много доволен... Очень доволен... Огни у меня теперича... разные огни ходят... Душеньку мне всю распалило... Православные! Дай вам Господи! (*плачет*). Пошли вам Царь милосливый на вашу долю...

Мавра.

Что домой-то нейдешь?

Трофим.

Будем дома, об этом ты не сумлевайся... дома мы будем. А вот что на миру нам скажут. (*К Ваське*). Ты фабричный?

Васька.

Фабричный.

Трофим.

Можешь по писанию?

Васька.

Могу.

Трофим.

Значит, не к нам, дуракам, тебя приравнять. Был ты в Старом Ерусалиме?

Васька.

Далече больно, не был.

Трофим.

А есть ноне разрешение?

Васька.

Есть.

Трофим *(к жене)*.

Слышь, что он говорит! Ну, я и разрешил... А теперича ты мне вот что скажи: дьявольское это наваждение, али так – дурь человеческая?

Васька.

Насчет чего ты говоришь-то?

Трофим.

Все насчет того же: давеча я был человек, а теперича, видишь, я не в своем разуме. Для чего это я? Мне это очень стыдно.

Мавра.

Да пойдем домой, бабушка.

Трофим.

Погоди!.. Да, мне очень стыдно. Девки веселятся, радуются, а я домой пойду, спать ляжу, а там, – твори Бог волю свою. Так-то!.. По закону мне положено и шабаш. Чужого нам не надо. Я много доволен! Прощенья просим! Простите меня, окаянного. Согрешил я грешный...

(Уходит).

Слезкин.

Все мы, должно, для праздника-то согрешили.

(Запевает).

*Граф Башкевич ариванский
Под Аршавой состоял...*

(Все смеются).